

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

УДК 930(47)(075.8)

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1990-Х ГОДОВ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

С. Г. Басырова

*Кандидат исторических наук, доцент,
Башкирский государственный университет,
г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия*

RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE IN THE FIRST HALF OF THE 1990S: GENERAL TRENDS OF DEVELOPMENT

S. G. Basyrova

*Candidate of Historical Sciences,
assistant professor,
Bashkir State University, Ufa, Bashkortostan, Russia*

Лекционные материалы могут быть использованы при изучении дисциплин:
«Историография истории России», «История исторической науки»,
при подготовке спецкурсов для студентов,
обучающихся по специальности «История»

Summary. The article discusses general trends and features of the development of national historiography in the first half of the 1990s, assessment of the stage of Russian historical science are studied. The work revealed the difficulties of research in the new political and economic conditions. Attention is paid to the problems and the nature of historical works. The process of expanding and updating the source base of historical research in the declassification of archival holdings, changing attitudes to local historians of western historiography historiographical pre-revolutionary heritage is described.

Keywords: first half of the 1990s; crisis of national historiography; conditions for the development of science; edition of historical literature; «archival revolution»; the emergence of the sources and historiographical framework of modern Russian historiography.

С крушением Советского Союза, кардинальными преобразованиями всех сфер общественной жизни отечественная историческая наука вступила в один из самых сложных и противоречивых этапов своего развития. Е. Б. Заболотный и В. Д. Камынин в своей работе приводят принадлежавшие различным историкам оценки того, что происходило в исторической науке тех лет: «исторический беспредел», имеющий «ярко выраженный демократический уклон» (П. К. Гречко); «идеологическая революция с ее безоглядным радикализмом, несомненными достижениями и не менее очевидными издержками и провалами» (С. В. Тютюкин); наука «выглядела лишенной прежних и не создавшей новых концепций, с углу-

бляющейся поляризацией, с амбициями новых лидеров и номенклатурно-должностными бастионами старых деканов, с недоразвитым догматизмом и вышедшей на авансцену конъюнктурной некомпетентностью» (Ю. А. Поляков) [1, с. 92].

Большинство авторитетных историков, характеризуя состояние исторической науки в эти годы, акцентировали внимание на негативных сторонах ее развития. Среди них выделяются методологическая неопределенность, отказ от прежних устоявшихся категорий, понятий и неформальность новых, разрушение советской концепции отечественной истории и новая политизация истории, организационная перестройка научных и учебных учреждений, сопро-

вождавшаяся кадровыми, структурными изменениями, перепрофилированием деятельности и т. д. Эти процессы приняли лавинообразный, неконтролируемый характер: «Все “плюзы” были открыты...» (С. В. Тютюкин). Многие историки отмечали изменение климата в научной среде, напряженность во взаимоотношениях между старым и молодым поколениями ученых, поляризацию научного сообщества по идеологическим и политическим взглядам. Отношение массового сознания к исторической науке в первой половине 1990-х годов по-прежнему было критическим. Историческая наука находилась в сложном состоянии переходности.

В то же время не следует упускать из виду и положительные тенденции, которые создавали условия для дальнейших исследований. При всех негативных проявлениях кризис в науке является признаком развития, движения научного знания вперед. Поэтому многие ведущие ученые стремились определить причины кризиса в отечественной историографии, наметить пути выхода из него. Сформировались две основные точки зрения. Приверженцы первой считали, что кризис характерен не только для отечественной исторической науки, но и для всего мирового исторического сообщества, он вызван дифференциацией научного знания и отставанием в деле его синтеза (И. Д. Ковальченко). Сторонники второй указывали, что если кризис западной науки вызван необходимостью создания синтетической теории, то кризис отечественной историографии вызван длительным отсутствием научного плюрализма (С. И. Жук, В. С. Прядеин) [1, с. 93–94].

В условиях критического отношения к советскому прошлому все больше распространялось мнение о том, что кризис российской исторической науки вызван отсталостью советской историографии, ее оторванностью от достижений мировой науки, замкнутостью на марксистско-ленинской методологии, не способной выступать в роли эффективного инструмента познания прошлого. Критика советской историографии приводила к утверждениям об

отсутствии у нее атрибутов научности, восприятию ее как элемента партийной пропаганды. Такие оценки не встречали поддержки у многих ученых, указывавших на то, что крушение советского строя и коммунистической власти вовсе не означает, что марксизм как научная доктрина опровергнут [2, с. 95].

Изменились внешние условия развития исторической науки. Власть перестала использовать историческую науку в качестве мощного орудия пропаганды своей политики и идеологии, характер взаимоотношений власти и науки изменился. Отныне ученый мог не опасаться открытого высказывания своих взглядов на историческое прошлое, был свободен в выборе методологических оснований, проблематике своих исследований. В исторической науке началось становление научного плюрализма. Всячески постулировались дедидеологизация и деполитизация исторической науки.

Однако историческое прошлое не ушло и не могло уйти из политики. Исторические представления, как и во все времена, играли важную роль в обосновании деятельности новой власти, пришедшей со своими ценностями и задачами. Российские власти в своей политике исходили из идей либерализма, позиций антикоммунизма и отрицания советского опыта. Крайне критическое отношение к советской истории и коммунистической власти, которые однозначно окрашивались в зловещие кровавые цвета, всячески распространялось в общественном сознании (большевики после прихода к власти в октябре 1917 года также однозначно воспринимали историю российского самодержавия). Часть исследователей считают, что в России в первой половине 1990-х годов власти пытались вернуть историков к единственной монометодологии: «Среди представителей исторической науки официальную поддержку получали лишь те, кто придерживался либеральных взглядов, настаивал на применении цивилизационного подхода к истории, объяснял советскую историю с позиций теории тоталитаризма. Это представляется определенным шагом назад по сравнению с тем состоянием исторической науки, которое

было достигнуто в годы перестройки» [1, с. 121]. Тем не менее прежняя советская модель взаимоотношений науки и власти не могла быть воспроизведена в новых общественно-политических реалиях. Условия для инакомыслия, развития различных мнений и концепций сохранялись.

Новая экономическая ситуация в стране также оказывала воздействие на развитие науки. Экономические свободы и полная бесцензурность (цензура печати была отменена постановлением правительства РСФСР «О регулировании издательской деятельности в РСФСР» от 17 апреля 1991 г.) изменили ситуацию в издательском деле. Повсюду стали возникать коммерческие издательства, которые предпочитали выпускать в свет ходовую, популярную литературу для массового читателя. Число научных, справочных изданий, социально значимой литературы резко сократилось. Особенно острой была ситуация с изданием исторической литературы в 1992 году: ее тираж сократился в четыре раза по сравнению с 1991 годом, во столько же раз уменьшилось количество названий книг и брошюр на историческую тематику [4, с. 27]. Повышение цен на полиграфические услуги также стали препятствием на пути увеличения объема выпускаемой печатной продукции. На 1993–1995 годы приходится постепенная стабилизация издательского дела: на фоне некоторого снижения тиражей увеличивалось число наименований исторической литературы. В первой половине 1990-х, по подсчетам исследователей, среди наименований исторической литературы лидировала научно-популярная и учебная литература, затем следовали мемуары (22 % в 1992 году, 5 % в 1995) [4, с. 32], биографии и исторические портреты и, наконец, научная литература [1, с. 105]. Изданная в 1991–1995 годах, литература исторической тематики ярко отражает интерес и общества, и авторов к определенным периодам прошлого. Российской истории 1861–1991 годов было посвящено 38 % названий изданной литературы, истории 1861–1917 – всего 5 %, советскому периоду – 57 (Гражданской войне – 2,6; 1921–1927 годам – 0,6;

1928–1953 – 22; 1954–1965 – 0,2; 1965–1985 – 0,8; после 1985 года – 12; 1917–1991 в целом – 19 %) [подсчитано по: 4, с. 33–34].

Историческая публицистика по-прежнему преобладала над научной литературой. Монографической литературы, в которой глубоко исследовались отдельные исторические проблемы, издавалось мало. Практически не выходили в свет обобщающие труды по истории России, для создания которых требовалось глубокое концептуальное осмысление прошлого. Экономические потрясения первой половины 1990-х годов тяжелее всего отразились на вузовской и академической науке, представители которой испытывали финансовые трудности при издании своих работ.

Научные труды историков в первой половине 1990-х годов были представлены в основном статьями в исторических научных журналах и немногочисленных сборниках. В них ученые рассматривали проблемы отечественной истории, которым мало уделялось внимания в советской историографии. Наблюдался всплеск интереса к политической истории, особенно дореволюционной России. Историки приступили к разработке истории российской государственности, органов управления Российской империи, местного самоуправления, карательных органов, истории политических партий, истории реформ в России. Интерес к экономической истории резко упал. Вместо исследования классов в современной историографии стали изучать социальную историю, те социальные слои, которые не пользовались вниманием в советской историографии: предпринимательство, дворянство, купечество, казачество и т. д. Еще со времен перестройки началось изучение истории Русской православной церкви. Советская история по-прежнему была в центре внимания и общества, и исследователей. Она всячески противопоставлялась дореволюционному периоду. Революция 1917 года и Гражданская война в основном рассматривались как трагические события, прервавшие поступательный путь России к утверждению западных либерально-демократических ценностей.

Огромной популярностью в эти годы пользовался такой жанр исторической литературы, как историческая биография. Это было реакцией на обезличенную советскую концепцию прошлого, в которой действовали массы. Наблюдалась тенденция снижения интереса к личностям советской эпохи и повышения популярности исторических личностей дореволюционного периода: монархов, особенно династии Романовых, государственных и политических деятелей, дипломатов. По данным В. А. Козлова, в 1992–1994 годах всего было опубликовано более 300 научных и научно-популярных биографий политических и военных деятелей, представителей интеллектуальной элиты [1, с. 107].

Кризисное состояние научных исследований, преобразования в издательском деле (появились частные издания) и его коммерциализация, крушение картины прошлого в массовом сознании привели к тому, что историей стали заниматься люди, не являвшиеся историками-профессионалами. Эта тенденция, получившая развитие еще в годы перестройки, стала приобретать широкий размах. Полки книжных магазинов стали быстро пополняться литературой на историческую тематику, привлекательной для массового читателя увлекательными, сенсационными сюжетами. Однако авторы этих работ пренебрегали историческими источниками, не заботились об исторической достоверности своих версий прошлого, игнорировали научные принципы исследования. Профессиональные историки долгое время практически не реагировали на такую литературу, упуская шанс воздействовать на историческое сознание общества.

Важнейшим условием развития исторической науки в рассматриваемый период стало расширение *источниковой базы* исследований. Как известно, до 1985 года ученые, изучавшие советский период, были лишены доступа к важнейшим документам. Требования изучения «белых пятен» истории, поиска и открытия «исторической правды», звучавшие со стороны и власти, и общества, остро обозначали проблему доступности архивов. Первые ини-

циативы по этому вопросу прозвучали в годы перестройки со стороны власти. На Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук вузов в октябре 1986 года член Политбюро ЦК КПСС Е. К. Лигачев говорил о необходимости «разумного и взвешенного решения» этой проблемы. В декабре 1986 года решением Секретариата ЦК КПСС была создана специальная комиссия, по рекомендации которой в 1987 году начался процесс перевода архивных дел ЦСУ СССР из режима ограниченного пользования в открытое хранение [7]. Расширявшееся общественное движение требовало рассекречивания и доступности документов КПСС. Создание журнала «Известия ЦК КПСС» (выходил в свет с 1989 года по август 1991), в котором началась публикация многих не известных ранее широкому кругу исследователей документов партии 1920–1930-х годов, было явно недостаточной мерой. Наиболее решительно настроенные историки и архивисты требовали не только рассекречивания партийных архивов, прекращения уничтожения документов КПСС, которое осуществлялось с марта 1991 года [6, с. 24–25], но и разгосударствления архивных фондов.

Однако решение этих проблем стало возможным лишь после событий августа 1991 года. 24 августа 1991 года указом президента России архивы КПСС были переданы в ведение Архивной службы России. На государственное хранение поступили более 47 миллионов дел, связанных с деятельностью КПСС [3, с. 141]. Осложнения возникли лишь с архивом Политбюро ЦК КПСС («Кремлевским архивом»), первоначально вошедшим в архив президента СССР М. С. Горбачева, а затем в состав архива президента РСФСР Б. Н. Ельцина. Этот архив содержал высшие государственные секреты СССР, подлинные протоколы и материалы к ним заседаний Политбюро ЦК РКП (б) – ВКП (б) – КПСС, документы съездов и пленумов, личные фонды партийных лидеров. С 1992 года начался процесс передачи исторической части архива Политбюро ЦК КПСС в учреждения Государственной архивной службы. Передача архивов КПСС на государственное хранение

имела огромное значение для изучения прошлого, так как означала сохранение огромного документального комплекса по истории России XX века.

Процесс рассекречивания документов в 1990-е годы происходил на основе действовавшего законодательства, носил поэтапный и постепенный характер. В 1991–1992 годы рассекречивались, как правило, отдельные документы, имевшие сенсационный характер, использовавшиеся в качестве доказательной базы на процессе по делу КПСС в Конституционном суде РФ. Многие из этих документов передавались для публикации в СМИ и становились доступны широкой общественности [5, с. 86]. Расширению источниковой базы в первой половине 1990-х годов способствовало рассекречивание «Особого архива», содержавшего документы по истории Второй мировой войны, фондов НКВД-МВД СССР, документов Государственного комитета обороны СССР, Коминтерна и т. д.

Архивная система была подвергнута в начале 1990-х г. реорганизации. На базе прежних архивов появились новые: РЦХИДНИ, ГАРФ, РГАЭ, ЦХДМО и др. Реорганизация архивной системы происходила и на местах. Фонды партийных архивов и часть фондов КГБ были на местах также переданы на государственное хранение. 7 июля 1993 года были приняты Основы законодательства РФ об архивном фонде РФ и архивах, которые создали базу для реформирования архивного дела в стране и предусматривали широкое участие архивохранилищ в публикации своих сокровищ [1, с. 101–102].

Архивы России приступили к публикации серийных изданий документов, особенно по истории XX века. Среди них следует отметить альманахи «Неизвестная Россия. XX век», «Невский архив», серии «Россия в лицах, документах, дневниках», «Архив новейшей истории России» и т. д. Исторические источники широко публиковались в исторической научной периодике: журналах «Вопросы истории», «Отечественная история» (до февраля 1992 года – «История СССР»), «Новая и новейшая история» и т. д. Появились специальные журналы, занимавшиеся публикацией исто-

рических источников: «Исторический архив» (1955–1962 годы, возобновил свою деятельность в 1992), «Источник», «Вестник архива Президента Российской Федерации» (приложения к журналу «Родина») и др.

Указанные процессы, во многом обусловленные общественно-политическим развитием страны, способствовали обновлению источниковой базы исследований отечественной истории. Публикации исторических источников в конце 1980–1990-е годы свидетельствуют о том, что, прежде всего, внимание и ученых, и общества в этот период привлекала политическая история.

Наиболее значительно была обновлена источниковая база изучения истории советского периода. В. А. Козлов, характеризуя процесс издания источников в первой половине 1990-х, писал: «Как количественно, так и качественно эти публикации позволяют говорить о настоящей «архивной революции», начавшейся в результате широкого открытия российских архивов после 1991 года» [Цит. по: 1, с. 104].

Кардинальным образом, по сравнению с советским периодом, изменилась историографическая база развития исторической науки. Если прежде советские историки в силу особенностей советской историографии вынуждены были вскрывать классовую ограниченность дореволюционной исторической науки, обличать фальсификаторский характер зарубежной буржуазной историографии, то уже в условиях перестройки ситуация изменилась.

Во-первых, началась переоценка отечественной историографической традиции. Методологические и концептуальные поиски историков привели к новому взгляду на труды дореволюционной исторической науки. Работы Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского, Н. Я. Данилевского, И. Е. Забелина, Н. И. Костомарова и других стали переиздаваться большими тиражами. Историки обратились к теоретическим трудам Н. Я. Данилевского, А. С. Лаппо-Данилевского, В. С. Соловьева и др. Огромный интерес стали вызывать и исследования советских историков, относившихся прежде к инакомыслящим, чьи труды не

вписывались в официальную концепцию советской историографии (И. Я. Фроянова, А. А. Зимина, В. Б. Кобрин, Л. Н. Гумилева, А. Я. Авреха, К. Н. Тарновского, Н. Я. Эйдельмана и др.).

Во-вторых, пробуждается интерес к теоретическому и историографическому наследию русского зарубежья. Прежде всего, популярными становятся труды представителей русской религиозной философии и историософии Н. И. Бердяева, И. А. Ильина, Г. П. Федотова и других, в которых раскрывается «русская идея», постигается смысл российской истории с позиций, совершенно противоположных историко-материалистическому пониманию прошлого. Особый интерес на рубеже 1980–1990-х годов вызвала у читателей и исследователей работа Н. И. Бердяева «Истоки и смысл русского коммунизма». Все с большим интересом воспринимались и исследования российских историков-эмигрантов, особенно тех, которые в 1920–1930-е годы создали труды по истории революции и Гражданской войны (Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923. – М., 1990; Валентинов Н. (Вольский Н. В.) Наследники Ленина. – М., 1991 и др.). Для читателей открывался другой, небольшевистский взгляд на важнейшие события истории России первой половины XX века. В связи с пробуждением интереса к цивилизационному подходу оказалось востребованным наследие историков-евразийцев Н. С. Трубецкого, П. Н. Савицкого, Г. В. Вернадского, Л. П. Карсавина и др.

В-третьих, меняется отношение к западным историкам, которые перестают восприниматься как «фальсификаторы». Исследования зарубежной науки вызывали большой интерес для отечественной историографии с точки зрения теоретико-методологических новаций, а также с позиций нового концептуального осмысления российской истории. В конце 1980-х годов были переведены и изданы труды наиболее известных западных историков-ревизионистов (Д. Боффа, Дойчер, Э. Карр, С. Коэн, А. Рабинович), которые более лояльно относились к советской истории, изучая ее с позиций социальных низов, исторической обусловленности

прихода большевиков к власти. Однако уже в 1991–1992 годах все больший интерес вызывали труды историков консервативного направления западной историографии Н. Верта, Д. Хоскинга, Р. Пайпса и других, которых часто называют историками тоталитарной школы. Делая акцент на политических аспектах советского прошлого в духе концепции тоталитаризма, эти историки отличались либеральным взглядом на российскую историю с ярко выраженным антикоммунистическим отношением. По подсчетам В. А. Козлова, в первой половине 1990-х годов было издано не менее 200 зарубежных исследований только по истории России XX века [1, с. 108]. Создавалась благоприятная ситуация для активизации научного сотрудничества отечественных и зарубежных ученых.

Историографическое наследие отечественной исторической науки, востребованное в новых условиях, стало доступно в результате открытия для широкого круга читателей специальных фондов библиотек, бурной деятельности издательств, которые не только выпускали в свет отдельные труды известных и не известных ранее историков, но приступили к созданию антологий, серий памятников исторической и историософской мысли. Важную роль в распространении исторических взглядов, альтернативных советской исторической концепции, сыграла научная историческая периодика, а также периодические издания научно-популярного характера, среди которых следует выделить журнал «Родина», начавший выходить в свет с 1989 года.

Таким образом, историографическая ситуация в российской исторической науке в конце 1980-х – первой половине 1990-х годов коренным образом изменилась. В условиях формировавшегося научного плюрализма перестали существовать замалчиваемые, инакомыслящие историки, идеологические, политические препятствия для изучения, применения различных теоретико-методологических взглядов, исторических концепций исчезли. Эти изменения способствовали развитию, углублению исторических исследований, создавали условия для преодоления кризиса в отечественной исторической науке.

Библиографический список

1. Заболотный Е. Б., Камынин В. Д. Историческая наука России в конце XX – начале XXI века. – Тюмень, 2004. – 208 с.
2. Камынин В. Д. Российская историческая наука в первой половине 1990-х гг. // Вестник Уральского института экономики, управления и права. – 2008. – № 4. – С. 93–105.
3. Козлов В. П. Как российские архивисты спасали архивы похороненного СССР // Новая и новейшая история. – 2007. – № 3. – С. 135–155.
4. Невежин В. А., Пруцкова О. А. Издание исторической литературы: кризис или стабилизация? // Исторические исследования в России. Тенденции последних лет. – М., 1996. – С. 22–36.
5. Павлова Т. Ф. Рассекречивание документов в государственных архивах РФ (1991–2006 годы) // Новая и новейшая история. – 2007. – № 4. – С. 86–92.
6. Пихоя Р. Г. О некоторых аспектах «историографического кризиса», или О «непредсказуемости прошлого» // Новая и новейшая история. – 2000. – № 4. – С. 15–28.
7. Свешников А. В. Историческая наука в 1980-х. URL: <http://modernhistory.omskreg.ru/page.php?id=794>.

Bibliograficheskiy spisok

1. Zabolotnyj E. B., Kamynin V. D. Istoricheskaja nauka Rossii v konce XX – nachale XXI veka. – Tjumen, 2004. – 208 s.
2. Kamynin V. D. Rossijskaja istoricheskaja nauka v pervoj polovine 1990-h gg. // Vestnik Uralskogo instituta jekonomiki, upravlenija i prava. – 2008. – № 4. – S. 93–105.
3. Kozlov V. P. Kak rossijskie arhivisty spasali arhivy pohoronennogo SSSR // Novaja i novejšhaja istorija. – 2007. – № 3. – S. 135–155.
4. Nevezhin V. A., Pruckova O. A. Izdanie istoricheskoj literatury: krizis ili stabilizacija? // Istoricheskie issledovanija v Rossii. Tendencii poslednih let. – M., 1996. – S. 22–36.
5. Pavlova T. F. Rassekrechivanie dokumentov v gosudarstvennyh arhivah RF (1991–2006 gody) // Novaja i novejšhaja istorija. – 2007. – № 4. – S. 86–92.
6. Pihoya R. G. O nekotoryh aspektah «istoriograficheskogo krizisa», ili O «nepredskazuemosti proshlogo» // Novaja i novejšhaja istorija. – 2000. – № 4. – S. 15–28.
7. Sveshnikov A. V. Istoricheskaja nauka v 1980-h. URL: <http://modernhistory.omskreg.ru/page.php?id=794>

© Басырова С. Г., 2015